
К.Н. Де-Лазари¹

Невозвратимое прошлое

<...>

Островский был среднего роста, коренаст. Большая голова, широкий лоб, небольшие, но умные, пронзительные, с хитрецою и очень выразительные глаза и широкая, окладистая, рыжая борода. Вообще, с виду он более походил на настоящего русского хозяина-купца или промышленника, чем на знаменитого писателя.

Превосходно владел он настоящей московской, русской речью. Но говорил не торопясь, не громко и плавно. Если же в разговоре он увлекался и начинал кому что-либо доказывать или спорить, то как будто немного заикался.

Он был человек мягкий, обходительный и крайне вежливый.

Он очень любил компанию, любил послушать рассказы и от души искренно посмеяться. Когда Александр Николаевич бывал чем-нибудь доволен, то это всякий издали видел — широкая, открытая улыбка озаряла лицо его, и глаза становились светлые, такие веселые и добрые.

Страшно увлекался он всем и всеми, а в особенности женщинами. А о своей наружности был самого высокого мнения и до чрезвычайности любил зеркало. Ведя с кем-нибудь разговор, он старался смотреть в зеркало. Он целый час был в состоянии спорить, чувствовать, плакать, злиться, ругать, но лица вы его не увидите. Лицо свое, со всеми оттенками радости, жалости, насмешки, злости, — видит только он один.

Своими симпатиями к людям А.Н. Островский увлекался до невозможности. Про него говорили, что в ущерб своим произведениям, в ущерб искусству и своему интересу лучшие роли в своих комедиях и драмах он отдавал не лучшему артисту, а по мнению его — хорошему человеку.

Это, однако, несправедливо. Такое мнение о нем сложилось вследствие одного весьма характерного обстоятельства. В самом начале пятидесятых годов Александр Николаевич находился в крайне тяжелом материальном положении. Его выручил тогда известный артист Бурдин, которому наш славный драматург и считал себя за это вечно обязанным.

А.Ф. Бурдин — человек от природы не дурной, но при этом чрезвычайно самолюбивый, тщеславный и беспокойный, мнящий себя, при весьма ограниченных способностях, великим артистом, — утилизировал самым бесцеремонным образом выше-сказанное отношение к себе Островского. Выпрашивал у него лучшие роли, губил пьесы и вообще вел себя относительно Александра Николаевича довольно деспотически. Но это был единственный человек, которому Островский ради признательности жертвовал интересами сцены. Во всех других случаях Александр Николаевич никогда не смешивал артиста и человека, воздавая «коемуждо по делам его».

Но тем не менее он имел доброе сердце и всей душой привязывался к людям. Он всегда был рад поделиться с кем-нибудь своими впечатлениями, поспорить и выслушать мнение своего собеседника.

А с Дмитрием Живокини, который до разговоров был не охотник, Островский иной раз целый час сидит и молчит.

Если же они вместе в клубе, то сосед только и может услышать:

— Митя! хочешь? (подразумевалось: водки).

На что следовал, хриплым голосом, короткий, грубый ответ:

— Хочу.

¹ Константин Николаевич Де-Лазари (по сцене — Константинов) — певец, виртуоз-гитарист, с 1863 артист Александринского театра в Петербурге и с 1864 московских — Большого, а затем Малого театров.

Пользуясь расположением Александра Николаевича Островского и находясь в самых приятельских отношениях с Митей Живокини, я, желая сошкосьничать и посмешить Прова Михайловича Садовского, подхожу к ним и говорю:

— Александр Николаевич, я за вами наблюдаю. Вы, наша гордость... целый час сидите с этой дуб...

— Ну!.. – нахмурившись, говорит грубо Митя, показывая мне кулак.

— Виноват, виноват, Митя! Я не так выразился, – отвечаю я робко. – Я хотел сказать, с этим хорошим человеком. Но, все-таки, Александр Николаевич, скажите, за что вы его любите?

— Как вам не стыдно, – добродушно смеясь, говорит Островский, – татарин вы этакой! Ну-ка, Митя, покажи-ка ему!

Митя показывает мне кулак величиной с большой камень и потрясает им в воздухе.

— Митя, – обращаясь к нему, спрашивает его Островский, – если мы пойдем с вами и на меня нападут, что вы сделаете?

— Я? – отвечает Митя, – а вот что... – Моментально вытаскивает из кармана бумагу и, разрывая ее пополам, молодцевато, строго на всех посмотрев, отрывисто говорит: — ра-зор-ву!!!

— Ну, чего же вам еще, азиатец вы этакий? Мало вам этого?..

Все присутствующие при этой сцене громко расхохотались.

Мнителен был Александр Николаевич до смешного.

Сидим мы раз в уборной Малого театра, входит Александр Николаевич Островский, не снимая шапки и шубы, ни с кем не здороваясь, прямо к зеркалу.

— Здравствуйте, Александр Николаевич, как ваше здоровье? – приветствуют его все.

Несколько секунд он молчит, а потом отвечает не нам, а — зеркалу:

— Подождите, пока еще ничего не могу сказать... Проходит еще минута.

Наконец кладет он на диван шапку, человек моментально снимает с него шубу, и он, еще не оборачиваясь, отвечает:

— Ну, вот теперь скажу. Ничего, слава богу, и т. д.

<...>